

СПЕКТАКЛИ ЛАТВИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА имени Я. РАЙНИСА

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
г. Москва

14 АПР 1958

ПРАЗДНИЧНОЕ ИСКУССТВО

КОГДА смотришь спектакль Рижского драматического театра «Играл я, плясал» Райниса, нельзя не удивиться творческой молодости его создателя, одного из крупнейших режиссеров Латвии Эдуарда Смильгиса. Нужно сохранить восторженную юношескую любовь к театру, неистощимую веру в его могущество и обаяние, чтобы с такой простотой и ясностью перевести аллегорические, обобщенные образы пьесы Райниса на язык театра, воплотить поэтические метафоры и иносказания в формах романтически приподнятого, подлинно театрального зрелища.

Весь спектакль «Играл я, плясал» развивается, как некий, если можно так выразиться, театрализованный народный обряд, праздничный и торжественный. Это впечатление усиливают рисунок мизансцен, музыка, основанная на народных мелодиях, краски национальных одежд (художник Г. Вилк), движения народных плясок.

Сосредоточенно и увлеченно, радостно и серьезно живут из сцены актеры, словно выполняя действия какого-то народного обряда, имеющего сокровенный и глубокий поэтический смысл.

И только второй акт — «Чертова рига» — контрастирует со всем спектаклем своей гротесково-фантастической формой, подчеркнуто иронической сказочностью. Можно спорить с принципом решения этого акта, говорить о его растянутости, но опять-таки нельзя отка-

зать Смильгису в остроте фантазии.

Может быть, самое интересное, чего удалось добиться режиссеру, — это то, что поэтически обобщенные образы Райниса обрели в исполнении актеров действительную стремительность, жизненную конкретность.

Воплощенная в образе Лелде жажда жизни и счастья, никогда не умирившая в народе, выражена актрисой Вией Артаман с таким взволнованным лиризмом, с такой внутренней чистотой, которые заставляют верить в то, что эта реальная девушка в национальных одеждах может быть воплощением мечты и надежды народа.

Бродячий музыкант Тот возвращается к жизни умершую Лелде, он борется за свободу и счастье народа, гибнет ради него. Гарри Лиепинь вдохновенно передает радость борьбы, радость самопожертвования, которыми охвачен герой Райниса.

Мысль пьесы о том, что нет высшего счастья, чем борьба, чем жертва во имя, во славу родного народа, становится ясной и ощутимой, потому что воплощается в живом темпераменте актера, в его

энергии, в искреннем пафосе его слов и действий.

А вот другая пьеса латышского автора — «Цветущая пустыня» А. Упита. Она показывает лицемерие, жестокость и низость буржуазного общества. Но и в этом спектакле (художники Г. Вилк и Оскар Муйжниек) режиссерский почерк Э. Смильгиса не становится бытовым, постановщик как бы продолжает смотреть на мир глазами романтика и поэта, только теперь этот взгляд наполняется гневом и болью при виде лжи и несправедливости.

Скитания идеалиста Видекрана и его приятеля Фелова по улицам, трущобам и кабакам «продвигаются» Флейради в спектакле кажутся подлинно трагическим блужданием во тьме и мраке пустыни. Герой пьесы со своим другом, — этим, по слову режиссера, своеобразным «Виргилием», — словно проходит все «круги» буржуазного ада, познает всю мерзость и муку жизни.

Выхваченные из тьмы лучом прожектора, неуверенно бредут вперед Видекран и Фелов, а навстречу им, как в бредовом и кошмарном сне, плывут группы обездоленных и озлобленных людей, вереницы падших женщин, шеренги тугих поли-

дейских, стан развязных и жестоких богатых шалопаев.

Бесчеловечность, низость, нравственное убожество Клеопатры, Роландо, Кунфеллера исполнители этих ролей Лилита Берзинь, Гарри Лиепинь, Эвалд Валтер выражают беспощадно резко, не боясь самых острых красок.

И в контрасте с этим застенчивость, лирическая искренность игры Луи Шмита в роли Видекрана или горечь и боль Карла Пабрика — Фелова помогают передать трагическую тему поправной и униженной человечности.

В спектакле «Цветущая пустыня» есть недостатки — растянутость некоторых сцен, излишнее увлечение побочными эпизодами, ненужные вставные номера в репертуаре и т. п. Но все это не может заслонить главного: поставив две столь разные пьесы крупнейших латышских драматургов, Рижский художественный театр показал, что не гаснет огонь его творческой молодости, не опущен тот праздничный флаг романтического яркого искусства, который в годы основания этого театра был смело поднят его создателем и бессменным руководителем Эдуардом Смильгисом.

Б. Львов-Анохин,
режиссер Центрального театра Советской Армии.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля Я. Райниса «Играл я, плясал» в постановке Государственного художественного театра Латвийской ССР имени Я. Райниса.

Фото Ф. ВЕСЕДИНА.